

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

ПЕРЕХОД ХОДА

Александр Валерьевич Усовский
Переход хода
Серия «Неоконченные хроники
Третьей мировой», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51344108
ISBN 978-5-042-35925-5

Аннотация

«Переход хода» – охватывает период с декабря 2003-го по январь 2004 годов. Одиссей, по поручению руководства, берется за осуществление крайне опасной операции – доставку груза управляемых противотанковых и зенитных ракет сражающимся с американцами и набирающими силу исламистами иракским повстанцам, под видом военной контрабанды из Польши. После целой череды опасных приключений он выполняет задание – но после этого в Центр приходит информация о его гибели. Центр, только что проведший операцию по прикрытию семьи Одиссея (через неё его пытались найти враги), прощается со своим наиболее успешным агентом – как вдруг оказывается, что «покойник» вышел в прямой эфир...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	17
Глава вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Усовский

Переход хода

*Моей жене Лене – без которой не было бы
написано ни строчки....*

*Моим товарищам по
Движению,
живым и павшим,
посвящается*

*Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает.
Что посеет человек, то и пожнёт: сеющий в
плоть свою от плоти пожнет тление;
а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.*

**Послание к галатам
святого апостола Павла
Гл. 6, ст. 7-8**

*Напоминают горы – горы
Напоминает море – море
Напоминает горе – горе
Одно – другое...*

*Чужого горя не бывает;
Кто этого признать боится –
Тот или убивает
Или готовится в убийцы*

К. Симонов

Ceterum censeo Carthaginem delendam esse!
Марк Порций Катон

Пролог

Слынчев Бряг, 12 декабря 2003 года

Шумел прибой.

Море, непрерывно набегавшее на берег бесконечными свинцовыми, серо-стылыми волнами, украшенными по гребням белёсой рваной пеной – было в этот ранний час свободным, бескрайним и безбрежным, как в первый час творенья. Ни один корабль не рассекал его волн, ни один человек не ступал на его берега – и лишь крикливые чайки тревожно перекликались над его покрытым рябью утренней зыби простором. От кромки уходящих в предрассветную дымку песчаных пляжей и до самого горизонта море, казалось, вновь стало такой же, едва пробудившейся, стихией, дерзкой и необузданной, какой оно было на заре времён; казалось, что оно вновь стало тем морем едва лишь рождённого мира, которое только готовилось создать в своём лоне великие античные цивилизации Финикии и Микен – и где-то со-

всем далеко, в голубоватой дымке грядущих веков и тысячелетий, ещё только смутно маячили в будущей его судьбе беспечно юные миры Эллады и Рима. У этого пустынного в этот предутренный час, беспечного и солёно-ветреного, свободного, как в первый день сотворения мира, моря опять всё было впереди – как будто не было за его плечами десяти тысяч лет человеческой истории...

В это студёно-промозглое декабрьское утро, стряхнув с себя унижительную роль развлекательного туристического бассейна, которую оно поневоле выполняло с мая по октябрь – это море снова стало свободной стихией новорожденного мира, ещё не покорённого человеком. Оно дышало пусть едва уловимыми в резком холодном воздухе декабря, но такими волнующе нездешними, пряными и терпкими, ароматами дальних стран; оно оставляло на губах привкус грозы, тревожило душу, бредило что-то неосознанное, таящееся в глубинах подсознания; как и сто, и тысячу, и десять тысяч лет назад – море опять звало в дорогу, манило непознанным отважных и пугало неизвестностью осторожных. Море, казалось, готово было дать шанс каждому случайному прохожему, оказавшемуся в этот ранний час на его берегу – забыть все его прежние заботы и хлопоты, отбросить в сторону все свои, ещё мгновение назад казавшиеся крайне важными, но вдруг ставшие никчемными, повседневные дела – и стать Его человеком, человеком моря – моряком, пиратом, торговцем или контрабандистом (или всем вместе,

как это обычно и бывало в те давние времена, которые хранила в глубинах своей памяти поседевшая в тысячах бурь серо-стальная колыбель человечества). Солёные брызги и порывы яростного ветра звали смелых и безрассудных с головой окунуться в атмосферу тревожных рассветов и ослепительно ярких закатов, которыми можно насладиться лишь с качающейся палубы уютной галеры посреди зыбкого всевластия Океана. Колеблющихся же и недоверчивых Море едва слышно, негромким шёпотом прибоя, призывало разделить с ним свежесть утреннего бриза и бесконечность пробуждающегося мира, познать тайны мироздания и рискнуть таким пустяком, как жизнь, – ради счастья проникнуть в его непознанные до сих пор тайны; и решительно невозможно было отвернуться от него в этот рассветный час.

На балюстраде пустынного в это декабрьское утро приморского кафе у гостиницы «Глобус», что в курортном местечке Слычев Бряг недалеко от Бургаса, сидело двое мужчин – один, невысокого роста, в светло-сером плаще, мелкими глотками прихлёбывал кофе, второй, широкоплечий, в чёрной кожаной куртке – крутил в руках высокий стакан изпод минеральной воды, периодически наполняя его из пластиковой бутылки и выпивая налитую воду в три глотка. Кроме этой парочки, на балюстраде, съездившись в углу, дремала на листе картона, принесенном вчера сердобольным англичанином, уставшая дворняга, да иногда на трубы ограждения садились крикливые вздорные чайки – поэтому имен-

но это место и было выбрано этими людьми для разговора.

Впрочем, их неспешная беседа, прерываемая неторопливыми глотками, вряд ли заинтересовала бы кого-то постороннего – тем более, что в этот ранний час они были единственными людьми на этой террасе. Тем не менее, они прекращали её всякий раз, когда трудолюбивый официант появлялся за их плечами, чтобы принести свежую порцию напитков и унести пустые чашки – что самому официанту казалось более чем странным. Впрочем, клиент всегда прав!

Когда на столике в очередной раз появилась дымящаяся чашка кофе – один из собеседников, оглядевшись вокруг и удовлетворившись увиденным – повернулся вполоборота и, едва заметно улыбнувшись, сказал:

– Что ж, не стану тебя томить. Держи! – И с этими словами, достав из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок, протянул его своему собеседнику.

– Что это?

– А ты разверни, почитай. А главное – посмотри на фотографии. Тогда, может быть, лишние вопросы у тебя и отпадут...

Собеседник невысокого мужчины, развернув листок, несколько минут внимательно его рассматривал – а затем, немного поблуднев, покачал головой и протянул:

– Мда-а-а, дела...

– Вот-вот. Теперь понимаешь, Саша, почему мы тебя в пожарном порядке сюда и отправили?

Крепыш молча кивнул, и над столиком на несколько минут повисла тишина.

Отхлебнув кофе и прижмурившись от удовольствия, невысокий прервал затянувшуюся паузу:

– Вот такие пироги, Одиссей. С той стороны дураков нет, это ты должен в первую очередь запомнить, как «Отче наш». С той стороны – чёткие профессионалы, знающие, где нужно рыть, чтобы дорваться до жилы. Я тебе скажу по секрету: когда на прошлой неделе нашему шефу его корешок эту бумагу предъявил – генерал нисколько не удивился. Чего-то в этом роде мы уже давно ждем, ещё с сентября позапрошлого года.

Крепыш удивлённо посмотрел на своего собеседника.

– То есть вы знали?

Невысокий отрицательно покачал головой.

– Не знали. Но предполагали. Видишь ли, сложить два плюс два – задачка, на самом деле, несложная. Посуди сам – в начале мая две тысячи первого года из будапештской тюремной больницы исчезаешь ты – причём бесследно¹; а в сентябре из Берлина в Россию уезжает бывшая сотрудница некоей конторы, плотно занимавшаяся твоими негодяйствами на венгерской земле² – и тоже исчезает без всяких следов. Поднять её досье и обнаружить, что барышня во времена оны училась с вышеуказанным злодеем по фамилии Лева-

¹ Подробнее об этих событиях в романе «Книги лжепророков»

² Об этом – в романе «Эра негодяев»

невский – заметь, тебя они ищут под старым ником – в одном ВУЗе – проблем не составляет, как ты понимаешь. Узнать, что девушка навещала тебя в тюремной больнице – тоже не бином Ньютона просчитать. Стало быть – есть вероятность, что беглый каторжник Александр Леваневский и уволившаяся из БНД барышня Герда Шуман, в девичестве Кригер – чем-то могут быть связаны. Следовательно – если поискать в России немецкую гражданку Шуман, то очень возможно обнаружить возле неё разыскиваемого Интерполом международного террориста! Заметь – бумагу эту молодцы генерала Третьякова нашли случайно, у одного очень неаккуратно-го паренька. Работавшего, между прочим, на наших заокеанских заклятых друзей...

– То есть ищет меня не венгерская полиция и не БНД? – удивлённо спросил Одиссей.

Подполковник отрицательно покачал головой.

– Нет. Венгры ориентировку на тебя сдали в Интерпол – и забыли о тебе думать, а БНД.... Эти всё свои внутренние скандалы продолжают тушить, им не до тебя. Парни с ТОГО берега жаждут твоего скальпа, вот какие дела, Санёк.

Его собеседник вздохнул.

– Да-а-а, чудны дела твои, Господи.... Дмитрий Евгеньевич, вы хоть Герду в известность поставили? Меня ведь три дня назад – с корабля на бал, капитан Гонт всучил в зубы билет и украинский паспорт с визами прямо на вокзале, я даже до дому добраться не успел. Уехал, в чём был! А Ирочке-то

всего три месяца...

Подполковник Левченко кивнул.

– Поставили, не бойсь. Герда твоя ведь деваха ушлая, в наши игры наигравшаяся по самое не балуйся, как генерал говорит. Но ей бояться, в общем-то, почти что нечего. За ней концов никаких нет, мы их обрубали по всем направлениям. Не так, как твои, конечно, но всё же найти её заинтересованным людям в России будет крайне затруднительно. Опять же, даже вдруг, если супостат её каким-нибудь чудом и найдет – ничего такого за ней нет. Ну, уехала фройляйн из фатерланда, решила в Москве судьбу свою девичью устраивать – что ж тут такого? Ребенка родила? Так это сейчас – дело житейское. Либеральный миропорядок, он ведь и нам должен пользу приносить, раз уж мы вляпались в это дерьмо.... Мы твою благоверную, правда, от греха всё же переселили в Красногорск, поближе к работе, и старшего в тамошнюю школу перевели – но это так, профилактика. Пуганая ворона, как ты знаешь, и куста боится.... А что касается тебя – без привязки к оной фройляйн искать тебя в России – то же самое, что ту иголку в стогу шукать ночью в январской заснеженной степи, причём – с заведомо известным результатом.... К тому же твои данные, что в этой ихней бумажке, ноне особо не пляшут. Ищут они тебя, судя по ней, по отпечаткам пальцев, что в венгерском деле были? – И подполковник едва заметно улыбнулся.

Одиссей снисходительно пожал плечами.

– А по каким же ещё? Других у них нет...

– Ну вот, стало быть, с этого боку угроза для тебя отсутствует в принципе. По фотографии тебя, опять же, опознать крайне затруднительно, во всяком случае, с лёту – вон какую ряшку наел.

– Дмитрий Евгеньевич! – укоризненно протянул его собеседник.

– Да ладно, Саня, всё правильно сделал, это я так, в порядке дружеского прикола. Иначе следы от пластики были бы видны, а так ты – стопроцентный коммерсант, такому с первого взгляда хочется верить. Килограмм десять набрал, небось?

– Почти пятнадцать. – Одиссей виновато вздохнул. Левченко улыбнулся.

– Силён, бродяга! Ладно, теперь ты, надеюсь, лишних вопросов задавать мне больше не будешь.

Одиссей хмыкнул.

– Лишних – нет. А вот парочка нужных у меня в запасе припасена.

Подполковник Левченко покачал головой.

– Можешь не озвучивать – эти вопросы у тебя в глазах все полчаса, что мы с тобой общаемся, большими красными буквами написаны. Так что я сам за тебя их озвучу. Мучает тебя, как я понимаю, единственная непонятка – почему мы курьерской скоростью отправили тебя сюда, в Болгарию? Вместо чудного городка Урюпинск, или, где ты там наслед-

ницу олигарха обидел – Касимов, кажись? – в каких ты прекрасно мог раствориться в воздухе, ты вдруг оказываешься на другом берегу самого синего в мире Чёрного моря. И тебя эта несуразность дико мучает. Так?

Одиссей кивнул.

– Так точно. Если, как я понял из этой вашей бумаженции, и нужно было мне сховаться – то можно было бы сделать это и дома, без особых расходов; если даже просто на полгода свалить из своей квартиры куда-нибудь в Бирюлёво, Герде не звонить и никак не обозначаться, да плюс к тому – паспорт поменять, став гражданином, например, свободной Украины, каким я сделался три дня назад – то шансы меня обнаружить у тех, что играют за чёрных, упали бы до сотых процента. Стало быть? – и Одиссей вопросительно посмотрел на подполковника.

Левченко серьезно взглянул в глаза своему собеседнику, и, кивнув, скупно бросил:

– Стало быть.

Они помолчали. Налив себе минералки и одним глотком выпив её – Одиссей спросил хрипловато:

– Какова будет моя задача?

Левченко покачал головой.

– Не спеши поперёк батьки в пекло.... Начинаем мы, Сания, одну очень серьезную игру – и ты нам здесь весьма годишься. Очень серьезную.... И от тебя в этой игре будет очень многое зависеть. Поэтому-то ты и здесь; в ближайшие

десять – пятнадцать дней мы в Москве решим, каким макаром станем действовать, а ты за это время здесь присмотришь, обживись; ты, кстати, где отаборился?

– В Варне, в жилом комплексе «Владиславово» квартиру снял.

– Ну, вот и хорошо. Шибко тебе мелькать тут не стоит, но и сидеть бирюком в четырех стенах – не резон. Ты у нас по легенде кто? Беглый коммерсант, обанкротившийся делец, со своим поражением, однако, не смирившийся; стало быть, должен интересоваться здешней экономикой, выискивать возможные варианты бизнеса. Компьютер там с выходом в сеть у тебя есть, надеюсь?

Одиссей молча кивнул.

– Гут. Стало быть, обживайся потихоньку. Кроме своей коммерческой работы, пошурши в транспортно-экспедиционной сфере, наведи знакомства в паре-тройке транспортных фирм, узнай, между прочим, что обычно из Европы в Турцию и... ну, в общем, и дальше – возят, особое внимание обращая на груз габаритный, к досмотру малопригодный. Язык турецкий малость подучи, сотни две ключевых фраз тебе знать стоило бы. Вот такая твоя задача на первое время – а дальше получишь дополнительные инструкции.

Одиссей, помолчав с минуту, спросил:

– То бишь, насколько я понимаю – белые начинают и выигрывают?

Подполковник покачал головой.

– Много будешь знать – до пенсии не дотянешь... А впрочем... Насчет «начинают» – ты прав. А вот насчет «выигрывают» – тут ещё очень даже бабушка надвое сказала. Не будем загадывать!

– Аллаверды тем, что играют за чёрных?

Левченко улыбнулся.

– Шустёр, как генерал говорит! – И, посерьезнев, кивнул: – Им. Уж больно наши заклятые друзья с того берега в Римскую империю заигрались, решили, что у старого и большого медведя выбиты все зубы, и можно перед ним нахально всякие непотребства вытворять – без опасения за свою шкуру. Пришла пора сделать им укорот, показать ребятишкам, что у медведя не только старые зубы ещё есть – но и новых в достаткеросло.

Одиссей удовлетворенно кивнул.

Подполковник, допив кофе – встал, застегнул плащ, и, указав спрятавшемуся за стеклом огромного, на всю стену, окна кафе официанту на деньги, оставленные на столе и, для надежности, помещенные под чашку – бросил своему собеседнику:

– Ну что, пошли... банкрот. Проводишь меня до автобуса, мне к вечеру нужно уже в Софии быть.

Выйдя на улочку, ведущую от моря, они по кипарисовой алее, идущей вдоль корпусов разных пансионатов и отелей, летом многолюдных и шумных, а теперь притихших и как будто затаившихся в ожидании – направились к автобусной

стоянке. В этот ранний час на ней одиноко травил воздух соляровым выхлопом потрёпанный «чавдар» до Бургаса – дожидаясь пассажиров на первый рейс. Не дойдя до автобуса метров двадцать, Левченко, обернувшись к своему спутнику – сказал вполголоса:

– Ну, всё, будем прощаться. Да, чуть не забыл – генерал просил тебя особо не зарываться, напомнить, что наступление далеко не для всех заканчивается флагом над рейхстагом, трофеями и орденами. Кому-то выпадает и фанерная звездочка на самодельном обелиске и со святыми упокой... Запомнил? – Одиссей кивнул. – Вот и славно. Обелисков у нас за плечами и так уже изрядно, а вот взятых рейхстагов пока – ни одного. А посему – пришло время открыть им счёт!

Глава первая

* * *

– Значит, не получилось.... – Генерал Калюжный тяжело вздохнул.

Левченко отрицательно покачал головой.

– Не получилось. Да и не могло получиться – мы же изначально были готовы к этому варианту развития событий. Слишком уж силы неравные. У тех, что играют за чёрных, все ключевые фигуры в тамошней элите – ежели, конечно, этих никчемных болтунов можно назвать элитой – давно в кармане. А у нас? Полторы калеки.... Да и Пилот слишком уж понадеялся на народную поддержку, популист хренов. Народ-то его поддержал, да что толку? К тому же старый замполит его слил, для Пилота это был удар в спину.

Калюжный закурил, выпустил клуб сизоватого дыма – и сказал вполголоса:

– Да уж, старый коммунист проявил себя во всей красе, что и говорить. Сукин сын.... Я, Левченко, скажу тебе честно – никогда я этих ... выдвиженцев, из национальных кадров – не любил. Был у нас в академии один такой, латыш, Круминьш по фамилии – так он на собраниях клеймил им-

периализм так, как будто лично Рейган у него лет пять назад сотню занял – и не отдаёт. А в восемьдесят восьмом с секретными документами этот боец идеологического фронта рванул на рыбацкой лодке в Швецию, и, ежели б не его морская безграмотность – имел бы штаб Прибалтийского округа бледный вид... Вместо Швеции причалил товарищ подполковник Круминьш к польскому берегу и принялся у польских – приняв их за шведских, заметь! – пограничников политического убежища просить, обещая за это выдать главную военную тайну Советского Союза. Мальчиш-плохиш, понимаешь...

– Ну и что... чем закончился его вояж? – чуть улыбнувшись, спросил Левченко.

Калюжный пренебрежительно махнул рукой.

– А, ерундой, десяткой обошлось. Тогда ж у нас бардак начинался, и вместо пули в затылок получил этот Круминьш смешной срок – какой до конца, кстати, и не отсидел. В девяносто первом он из предателя и перебежчика в одночасье стал латвийским героем сопротивления и борцом с тоталитарным режимом. – Генерал вздохнул, покачал головой, и, вернувшись за свой стол, продолжил деловито: – Ладно, что мы из всей этой литовской истории можем вынести? Пилота нам, как я понимаю, уже не спасти?

– Пилота валят наглушняк, партия разыграна, как по нотам. В конце октября тамошний Департамент госбезопасности – литовский ФСБ – довел до спикера и его замов све-

дения о связях Пилота с некими международными криминальными кругами. Кто готовил эту дезу, мы выяснили, взяли ребяток на карандаш. Пару человек в этой лавке отказались визировать подобную хрень – этих мы тоже выявили, по возможности отработаем. А первого ноября этот документ – который был для служебного пользования, между прочим – вдруг почему-то оказался опубликованным в прессе.

Генерал перебил Левченко:

– Кто причастен – выяснили?

Подполковник кивнул.

– В канцелярии спикера тамошнего Сейма работает несколько засланных казачков – один из них, некто Закарас, через своего дружка Яцкевичуса, зама главреда «Республики», это дело и провернул. Как сообщает Тонус, с молчаливого согласия спикера.

Калюжный кивнул.

– Ясно. Связи отследили?

Подполковник развел руками.

– Максим Владимирович, мы ж не боги.... Есть информация, что Яцкевичус крепко дружен со вторым секретарем американского посольства в Вильнюсе Оливером Кингом – но более подробных сведений у нас нет.

Генерал молча кивнул. Левченко продолжил:

– На следующий день все ключевые советники Пилота подали в отставку, а третьего ноября тамошняя Генпрокуратура затеялась расследовать уголовное дело по факту наруше-

ния президентом своей присяги. Типа, дружит с сомнительными бизнесменами, криминал, то да сё – в общем, шарманка известная. Хреново, что старый замполит, что сейчас там премьером, спустил на Пилота своих шавок – теперь того валют не только те, что играют за чёрных, но и те, что при иных раскладах были бы на нашей стороне.

– То есть, шансов у Пилота нет?

– Нет.

Они помолчали несколько минут, затем генерал, затушив сигарету, приказал:

– Всех фигурантов процесса чётко идентифицировать, по максимуму. Тех, что получают из кассы напротив – отработать по связям, выявить по возможности всю сеть.

– Максим Владимирович!

– Я же сказал – по возможности. И держать в поле зрения плотно, буде к тому появится возможность – малость притопить, жизнь их никчемную чуток испортить – так, в пределах разумного, без смертоубийства. Тех же, кто потенциально интересен нам – отработать в ближайшее же время, но отработать мягко, ненавязчиво. Кто у тебя там сейчас координатором?

– Витовт.

– Вот пусть со своими ребятами всех тех, кто в этой истории обозначился позитивно, найдет и подберет к ним ключики. Нам там сейчас люди нужны! Ведь когда люди в ситуации общей подлости и предательства, возведенного в ранг

доблести, продолжают своей честью дорожить – то для таких людей вообще ничего нельзя жалеть! Если нужно кому-нибудь из тех, что за Пилота впрягся, чем-то помочь – квартирку там прикупить, кредит помочь выплатить, детишек в хороший университет пристроить – пусть твой Витовт в доску расшибётся, а сделает. Завтра эти люди нам сторицей отработают! Не всё ж России свои бывшие окраины всяким-разным брюссельским клоунам на откуп отдавать.... Придёт время – и мы их обратно попросим, для начала вежливо, ну а там – как получится.... На самого Пилота люди Витовта не выходили?

Левченко пожал плечами.

– Зачем? Его в Ленинградской академии гражданской авиации, ещё во времена доисторические, тамошние чекисты пытались отработать – бесполезно. Крепок духом оказался Пилот!

– Духом крепок, а должность свою просрал... – проворчал Калюжный.

Левченко развел руками.

– В такой ситуации кто хочешь пасанёт – тем более, Пилот парень странноватый, с принципами. Плюс к тому – честный до неприличия. А с той стороны, сами понимаете, народ прожжённый, ни в какое благородство играть не намеренный. Так что шансов у него изначально не было...

– Ясно. Ладно, с этим пока всё. Что Одиссей?

Левченко едва заметно пожал плечами.

– А что Одиссей? В панику не ударился, чего Загородний опасался. Внешне спокоен – хотя, как я понимаю, за Герду и детей сердчишко-то колотиться. Замысел операции я ему, понятное дело, не раскрывал, но кое-какие намёки сделал. Документы у него в порядке, многообразные визы, болгарскую и румынскую, мы ему расстарались, так что с этим проблем у него не будет, тем более – паспорт подлинный, мы ему его на всякий случай ещё в позапрошлом году сделали, ежели бы он решил более Бондаренкой не быть. Так что парень наш начеку, ждёт боевую задачу.

Калюжный кивнул.

– Гут. Какие у тебя и у твоих гавриков есть соображения по этой самой боевой задаче?

Подполковник почесал затылок.

– Техническую часть мы с Гончаровым и Загородним вчерне сверстали...

Генерал спросил полуутвердительно:

– Но мучает вас отсутствие связей, налаженной сети, как я понимаю? То направление мы не отрабатывали, и людей надежных у нас там сегодня практически нет – я правильно понимаю твои сомнения, Левченко?

Подполковник кивнул.

– Так точно. Понимаете, Максим Владимирович, какие-то люди у нас там, конечно, есть, как не быть – но полагаться на них в такой ситуации я бы не стал. Информацию скинуть – они в состоянии, по мелочам поспособствовать – могут, а вот

ответственность за груз на себя взять – трижды подумают. И наши риски начинают зашкаливать...

Генерал кивнул.

– Ясно. Что предлагаешь?

– Гончаров считает, что для проведения операции в Стамбуле надо иметь резидента.

– И этим резидентом, как я понимаю, он видит себя? –

Генерал улыбнулся.

Левченко чуть смущённо кивнул.

– Так точно. Он мне за эти три дня уже все уши об этом прожужжал.

Калюжный покачал головой.

– Ну, вот неймётся ему самолично с супостатом поединоборствовать... Аника-воин, понимаешь!

– Максим Владимирович, я полагаю, в этом предложении Гончарова есть резон. Одиссей будет осуществлять техническую сторону проекта, подполковник Гончаров – координировать его действия с болгарской и ... азиатской составляющими операции.

Генерал подумал несколько минут, что-то набросал карандашом на листке бумаги – и ответил:

– Резон есть. Согласен. Как вы с Гончаровым в целом видите операцию – как я понимаю, общий контур вы уже набросали, раз наш Котовский рвётся по стамбульским базарам пошляться?

Левченко улыбнулся.

– Набросали. Думаем разделить всю операцию на три части – по возможности, не связанные друг с другом. Первый этап – доставка груза из Подольска до Варны. Второй – из Варны до Стамбула, третий – из Стамбула до... ну, в общем, до места.

Генерал почесал затылок.

– Не пойдет. Слишком просто – если вдумчиво покопаться, можно будет на первоначального поставщика выйти. А там – и на нас.

Левченко удивлённо вскинул брови.

– Две ж перегрузки!

Калюжный раздражённо махнул рукой.

– Не бузи, подполковник! Если я сказал – слишком просто, это означает – слишком просто. Тем более – есть тут одна коллегияльная идея. Мы тут её нашим генеральским колхозом – небольшим колхозом, не бойся, там всего два человека, я да Третьяков – обмозговали, и, при зрелом размышлении, считаю я её единственно разумным вариантом.

Левченко молча изобразил внимание.

– Значит, так. У Польши, какие из наших железок до сих пор на вооружении?

Левченко, наморщив лоб, начал медленно перечислять:

– Из противотанкового – «конкурсы», «фактории», «факоты» старые. Вполне живое железо, по той технике, что на югах работает – самое оно. Наверное, есть ещё в арсеналах совсем уж хлам, годов семидесятых, но это уже полный от-

стой.

Генерал удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Что у тебя в Подольске есть аутентичного, как сейчас модно говорить?

Подполковник почесал затылок.

– Ну, нового ничего нет. Из старых игрушек – «фаготы», штук сто – сто пятьдесят... но они уже – каменный век, управляются по проводам, работают только в ясную погоду, дальность всего две тысячи, да и по бронепробиваемости... В общем, слабоват комплекс для современного боя, особенно – боя противотанкового, хотя в восемьдесят первом в Ливане проявил себя очень даже недурно. Но ведь прошло уже двадцать лет...

– Это я не хуже тебя понимаю. Но ведь лупить из этих «фаготов» будут не по лобовухе «абрамсов», как ты понимаешь, а всё больше по бензовозам да разным «брэдли» да «хаммерам», какие наш «фагот» наскрозь прожжёт, и не закашляется – правильно?

Левченко молча кивнул.

– Вот, стало быть, для тамошнего театра эти трубки ещё очень даже ого-го! А самое главное, что с пусковой этих «фаготов» и «конкурсы» можно запускать, каких у грузополучателя вагон и маленькая тележка... Стало быть, сотню «фаготов» вместе с пусковыми под польским флагом ты отгрузить в состоянии – правильно я понимаю?

– Так точно, сорок пусковых установок и восемьдесят кон-

тейнеров с ракетами к ним в сорока выюках. На сто двадцать пусков.

Генерал покачал головой.

– Ну вот, стало быть, с этим всё ясно. Сколько всё это железо будет весить?

Подполковник почесал затылок.

– Пусковая с ракетой весит где-то двадцать три килограмма. Две ракеты в отдельном выюке – ещё примерно двадцать семь. Итого полста килограмм.

– Всего, значит, две тонны?

– Так точно.

Калюжный кивнул.

– Гут. Теперь по ПЗРК. Этот товар вторичный, у исламистов новоявленных авиации нет, так что отгрузим мы это так, для порядку. Сколько у тебя псевдопольских вторых «стрел»?

– Да сколько и было, сотня.

– Хорошо. Двадцать труб вместе с пусковыми и двадцать россыпью – сколько завесят?

– Ракета в контейнере весит десять килограмм, комплекс в сборе – четырнадцать с половиной. Будем считать вес брутто в двадцать пять кило. Общий вес партии, стало быть – полтонны где-то.

Генерал хмыкнул, покачал головой.

– Да-а-а, всего две с половиной тонны разных железяк – а какую головную боль могут устроить, окажись в опытных

руках! – Затем, сев за стол и что-то подсчитав на листке бумаги, бросил своему собеседнику: – Вариант доставки надо переиграть!

Левченко развёл руками.

– Максим Владимирович, для отработки вариантов нам бы месяца два надо, не меньше! И откуда доставлять?

Генерал улыбнулся.

– Товарищ генерал-лейтенант Третьяков берётся нам подкинуть одну рабочую связь в Закарпатье – тамошние парни гарантируют догрузку нашего железа в польский камьон³. Ребятишки евовные, каких он нам готов подсуетить, контрабандой сигарет и спиртного промышляют уже лет десять, и чем может грозить любая неувязка – знают на собственном опыте. Уловил?

Подполковник подумал и кивнул.

– Ясно. Получится чисто, без концов. Если что какое, случайность на дороге, вскрытие тента – то мы сбоку, так как груз едет из Польши, с польскими же железками, и если вдруг его случайно обнаруживают – все претензии к министерству обороны Речи Посполитой. Ежели же неслучайно – у нас есть с кого спросить по всей строгости, и опять же – доказать ничего не получится. Ловко! – Левченко улыбнулся.

Генерал кивнул.

– Так точно, ловко. Вот только никаких подобных неувязок и случайных вскрытий быть не должно!

³ Грузовик (польск.)

Левченко развёл руками.

– Все под Богом ходим.... Но, думаю, до Болгарии как-нибудь груз дотащим.

– Гут. В Сливене или Варне пусть наше железо отлежится недельки две, спешить нам тут особо некуда, а за это время мы отработаем вариант дальнейшей транспортировки. Как я понимаю, теперь на Артаксеркса надежды особой нет?

Подполковник кивнул.

– После освобождения за ним постоянное наблюдение, все случайные связи отслеживаются.... Нет, он сейчас вне игры. Пусть пока побудет на скамейке запасных...

– Стало быть, на Одиссея целиком ложится болгарский кусок маршрута – работа по организации погрузки и доставки до Стамбула, и, если повезёт, то и дальше. Гончаров в Царьграде его страхует и обеспечивает связью, в случае нужды – предоставляет каналы для отхода. Или он самолично жахнет в горах Тавра попартизанить? Ты за ним этого желания не заметил?

Левченко пожал плечами.

– Вы ж Гончарова знаете.... Он, конечно, врукопашную сходить горазд, но нарушить приказ – ни-ни! Если мы достаточно чётко очертим круг его задач – думаю, лезть глубже он не станет.

Генерал удовлетворенно кивнул.

– Теперь – по связям. Что у нас там есть – пусть хилое и на ладан дышащее? Ещё раз повторю, то, что у нас в тех

палестинах нет устойчивой сети – ещё не повод огорчаться. Что-то же у нас там всё же есть? Или ты хочешь сказать, что светлой памяти наш с тобой товарищ Таманец зря казённый хлеб ел?

Левченко отрицательно качнул головой.

– Нет, сказать, что уж совсем ничего – будет неправдой. Покойный Миша Тамбовцев⁴ всё же пару устойчивых связей там накопал, но...

– Что «но»?

Подполковник тяжело вздохнул.

– Да связи эти... очень специфические.

Генерал едва заметно улыбнулся.

– Ну да, специфические. А ты что хотел? Чтобы на нас работали люди исключительно высокоморальные, десять заповедей свято блюдушие и готовые ради России мученический венец принять? А если нет таких? Прикажешь работу сворачивать?

Левченко пожал плечами.

– Я ж не спорю... Но одно дело – с кадровыми агентами работать, какие на смерть идут, не морщась, а совсем другое – рассчитывать на тех, кто в первую очередь на сумму прописью в ведомости на зарплату глядит.

Калюжный покачал головой.

– Понимаю. Стало быть, и алгоритм работы с ними дол-

⁴ О подробностях гибели подполковника Тамбовцева (позывной «Таманец») – в «Эре негодяев»

жен быть иной. Какие последние вести от Горца относительно Царьграда? Ты ж его, как я помню, ещё в сентябре озадачивал?

Подполковник кивнул.

– Озадачивал. Докладывать подробно?

– Давай!

Левченко прокашлялся, взял в руки папку, развернул её, пробежал глазами – и, чуть заметно качнув головой и про себя хмыкнув, доложил:

– Таманец работал в основном с Немезидой – в девичестве Оксаной Осадчей, жительницей славного города Чернигова. Туда в восемьдесят девятом вывели войска из Германии, и немцы подрядили турецкую фирму «Энка» понастроить жилья для беглых наших вояк. Там наша девушка и познакомилась с неким Туфаном Сарыгулем, тогда ещё – простым курдским работягой. Через год паренёк убыл во славный град в Константинополь, а ещё через три месяца Оксана, не выдержав разлуки, подалась ему во след. Как она его в Стамбуле нашла – мы до сих пор голову ломаем, ведь не знала ни слова по-турецки! Но нашла... В общем, жили они крайне небогато, и в девяносто седьмом её нашёл Таманец... и к нашему общему делу привлёк. Нам тогда в Турции нужна была опорная точка – вот Оксана и согласилась чуток поправить своё благосостояние, нашей конторе кое-какие услуги оказывая. К тому времени бывший строительный рабочий переквалифицировался в бандита, отсидел срок за убий-

ство, поднялся по тамошней иерархической лестнице... по-нашему до авторитета. Сам он выходец из селения Малатия, что в горах Восточного Тавра, турецкий Курдистан. Курды, как вам наверняка известно, держат весь криминальный бизнес в Стамбуле, курдская мафия подмяла под себя там всё более-менее доходное – ночные клубы, наркотики, проституцию, заказные убийства. В последнем виде деятельности оный Туфан Сарыгюль и преуспел... Сейчас числится бригадиром в клане Рамазана Илдыса, занимается организацией ухода в лучших из миров нежелательных персонажей, плюс к этому – крышует торговлю наркотиками в трёх кварталах близ Истикляль; также имеет небольшой семейный бизнес, отель и ресторанчик. С Немезидой Таманец наладил связь в девяносто седьмом году, в июне-июле, и до сих пор нареканий на её работу не было; Горец считает, что со своими обязанностями деваха справляется нормально. Впрочем, мы её до сих пор шибко не нагружали – всё больше по мелочам: принять человека, помочь с документами, переправить в Грецию или куда дальше. То есть до сих пор в серьезных делах она задействована не была.

– Работает барышня исключительно за бакшиш? – перебил подполковника Калюжный.

– Так точно, Горец ей перечисляет пятьсот каждый месяц, плюс за каждую операцию – сдельно. Но не балует.

Генерал молча кивнул.

Левченко продолжил:

– В сентябре Горец сообщил Немезиде, что возможно, ей придется поучаствовать в серьезном деле. И попросил поговорить с её бандитом – на предмет содействия. Барышня пока согласия не выказала, но, думаю, её бандит за это дело возьмется – некоторые данные позволяют судить, что парень любит рискованные дела, если эти дела хорошо оплачиваются.

Генерал вздохнул и пробурчал:

– Ох уж мне эти «жёлтые розы»... Мало светлой памяти Иосиф Виссарионыч на Мустафу Барзани денег и ресурсов ухлопал, генеральское звание ему присвоил – теперь наша очередь пришла в курдское ... хм... в общем, в их отходы вступать.

– Жёлтые розы? – удивился подполковник.

– Фамилия у этого Туфана так переводится – «Сары-Гюль», «жёлтая роза». А то, что он курд – вообще, такой не подарок, я тебе скажу.... Ладно, теперь я вижу, что присутствие Гончарова в Стамбуле более чем необходимо. Согласен. Значицца, так. Пущай Одиссей наведается в Мукачево, или куда там ещё в Закарпатье, я тебе завтра все данные сообщу, куда точно, и с кем ему там связь держать, на кого рассчитывать. Ты же пока найди подходящий транспорт до Закарпатья, вступи с владельцем в сговор – так, чтобы груз наш из Подольска до этого Мукачева или Ужгорода доехал без проблем. Сантехническое оборудование, как я понимаю, на этот раз не пойдет?

Левченко отрицательно помахал головой.

– Нет. Будет подозрительно – сантехнику в те края из Польши и Венгрии тащат.

Генерал кивнул.

– Ясно. Значит, придумай что-нибудь посвежее. Сегодня у нас четырнадцатое – даю тебе на всё про всё неделю, двадцать первого железо должно тронуться в путь, и быть в Закарпатье до католического Рождества или дня на два-три позже. Примерно к этому же времени подтягивай туда Одиссея.

– А польская машина? Разве поляки в Рождество куда-то едут?

Калюжный иронично улыбнулся.

– Поляк, ежели это выгодно – всё бросит и от одра умирающей тёщи бегом умчится бизнес делать! Твой знакомец, Третьяков, обещал фуру в любое время – у его легальной конторы контракт на поставку какого-то оборудования из Польши в Болгарию. Его знакомые ребятки за Карпатским хребтом машинку эту потихоньку догрузят, без лишних глаз и ненужных вопросов, и Одиссею её покажут. В Сливене, куда фура эта идёт, наше железо Одиссею передадут, ну, а дальше – на его усмотрение.

– Когда Гончарову стартовать?

Генерал почесал затылок.

– А что ему в конторе зазря сидеть, штаны протирать? Пушай дела свои в божеский вид приведёт, дней десять ему за глаза должно хватить бумажки оформить и легенду к этой

поездке придумать, а потом командировочные получит, и двадцать шестого – двадцать седьмого пусть двигает в Царьград-город, с курдским бандитом договариваться. Раз он такой, понимаешь, жуткий шустрик...

Левченко кивнул.

– Задача ясна. Разрешите идти?

Калюжный вздохнул.

– Погоди. Ты хоть понимаешь, Левченко, КАКУЮ операцию мы тут с тобой замыслиаем?

Подполковник пожал плечами.

– Обычную. Впервой, что ли?

Генерал покачал головой.

– Ничего ты не понимаешь, друг мой сердечный, Дмитрий Евгеньевич! До сего дня действовали мы с тобой и со всей нашей конторой на свой страх и риск – не видя наверху ни просвета, ни тени радения об Отечестве, в самую, извини, задницу загнанному. Бились, людей теряли – и ни слова благодарности от Родины не слышали. Так?

Левченко кивнул.

– Так точно. Хорошо хоть, не мешали...

– Вот и я о том же. А ноне начинаем мы операцию, чтоб ты знал, совсем иного толка. Я, по стариковской своей привычке никому не верить, и по сей час сторожусь чего лишнего сболтнуть, и наверху о нас по-прежнему думают, как о связной лавочке, не дающей нашей агентуре к западу от Смоленска совсем уж зачахнуть. Но на эту операцию, что мы с то-

бой в мае задумали, а в августе начали потихоньку готовить – я прямое разрешение получил с самого верху. С самого! – негромко, тщательно выговаривая слова, повторил генерал, подкрепив свои слова поднятием указательного пальца к потолку.

Левченко удивлённо посмотрел на своего шефа.

– Так точно, товарищ подполковник! И не удивляйся, и брови не вздымай – потому как я и сам удивляюсь! Правда, насколько я понял со слов моего любезного друга генерала Третьякова, наверху по-прежнему всех наших возможностей не знают – да и незачем им пока этого знать, беспокойство одно – но всерьёз на нас рассчитывают. Ведь с нас, как понимаешь, при любом раскладе взятки гладки. Лавочка мутная, чем занимается – неясно, кто в ней работает – совсем уж непонятно, кто её финансирует – один чёрт разберет. Но к государственным органам никакого отношения не имеет однозначно – вот в чём вся прелесть! Руки у нас свободные – и посему наша с тобою операция должна будет таких блох за воротник нашим заклятым друзьям сыпануть, что им, бедолагам, тошно должно стать. Если задумка эта наша с тобою удачно сыграет – то, чем чёрт не шутит, может, и удастся нам кого-нибудь из главарей той стороны пустить по дорожке, покойным генералом Зия-уль-Хаком проторённой⁵.

⁵ Самолёт с президентом Пакистана Зия-уль-Хаком потерпел катастрофу и разбился 17 августа 1988 года, ни один из находившихся на борту высокопоставленных пакистанских военных не уцелел. Виновные в гибели президента Пакистана до сих пор не найдены...

... Только на этот раз уже без помощи палестинцев и этого, как его, выговорить трудно... пентаритритола тетранитрата, холера ему в бок! – какой после себя слишком уж яркий след оставляет, чтоб тому, кто его выдумал, в аду и сейчас икалось Да, о чём бишь я? Ага, вспомнил.... Так вот, этим действием мы обязаны будем подкрепить, так сказать, вербальные, сиречь – устные, предупреждения наших политических вождей – но так, чтобы оные вожди за наши шалости никаким боком ответственности не несли. Теперь ясно?

Левченко облегченно улыбнулся.

– Наконец-то!

– А ты шибко-то радостно не вздыхай. Нам оттого, что наша операция включена в общий расклад действий всех к тому причастных органов – легче, учти, не будет. Наоборот. Будет тяжелей. Потому как облажаться мы ноне не имеем права никак! Филигранно должны сработать, ювелирно! Чтоб комар носа не подточил! Ясно, товарищ подполковник?

Левченко встал, одернул пиджак.

– Так точно, товарищ генерал! Ясно!

Калюжный едва заметно улыбнулся и махнул рукой.

– Ну вот, а теперь ступай. Давай к восемнадцати ко мне с Гончаровым – будем вместе думать, как нам задание любезного Отечества выполнить. Раз уж оно о нас наконец-то вспомнило...

Опять за рыбу гроши! Двадцать седьмого быть в Сваляве – и хоть тресни, а будь! Спрашивается – что он забыл в этом Закарпатье накануне праздника? Понятно, раз требуют прибыть – значит, без него обойтись нельзя – но ведь за четыре дня до Нового года! Когда весь советск... тьфу, весь бывший советский народ закупает селедку для салата под шубой, шампанское и мандарины, пуская слюнки в предвкушении праздника! А ему – в путь, в путь, маленький зуав, труба зовёт...

Хотя, что тут возмущаться – приказ есть приказ, и выполнять его надлежит беспрекословно, точно и в срок, как бы ни хотелось встретить приход Нового года в этой уютной квартирке на окраине Варны, в тишине и неге.... Да, ЧТО есть приказ – во времена доисторические, в первый же день его военной службы, наглядно продемонстрировал старший сержант (нет, он тогда был ещё младшим) Федоренко. Тогда, помниться, суетливая и гомонливая толпа стриженных духов в необмятом новеньком обмундировании с только что, вкривь и вкось, пришитыми погонами, долженствующая, по идее, изображать строй, на приказ отца-командира «Разойдись!» отреагировала как-то вяло, безынициативно, с холодком, и разбежалась в разные стороны лениво и неуверенно. И, чтобы наглядно разъяснить бойцам, как надобно вы-

полнять приказы, сержант Федоренко, вновь построив свой учебный взвод, вторично отдал ту же команду – сопроводив её, для пущей убедительности, действием, сиречь – метнув в самый центр строя тяжелую табуретку.... Надо сказать, что это был крайне эффективный метод убеждения!

Ладно, будем собираться. А ведь Новый год так хорошо был спланирован! Да и Рождество нынче у болгар... Они хоть и православные, а рождение Христа вместе с католиками празднуют, до них большевистские штуки-дряки с календарём во времена оны не докатились. Бенчевы приглашали сегодня в гости на гуся по-родопски, домашнее вино и свежую брынзу с гор.... Теперь же всё летит к чертям собачьим, вдребезги пополам, как говорил тот Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке».... Эх, жизнь моя жестянка!

Хорошо хоть, все документы на фирму «Олена Трейд» успел оформить; вместо положенных по закону тридцати дней вся музыка заняла ровно трое суток, правда, две тысячи левов сверх всех официальных платежей пришлось заплатить наличными. За... хм... как бы это правильно сказать, чтобы не обидеть болгарских чиновников? За ускорение документооборота, вот. Зато теперь он может ехать в командировку совершенно официально, как коммерческий директор этой фирмы; генеральным в ней числится Васил Бенчев, сосед напротив (всех уговоров – один поход в ресторан!) – такие уж тут правила коммерческой деятельности. Одиссея, правда, малость раздражала необходимость за свой счет со-

держат чужие глаза и уши в сердце его собственной, купленной на его деньги (точнее, на деньги «Спецметаллснабэкспорта») фирмы – но, в конце концов, Васил был парень простой, без тараканов в голове, и мешать деятельности фирмы, по ходу, не собирался – но всё ж ему лучше поменьше знать о её деятельности! Официально мы будем заниматься экспортом в Турцию металлоизделий – вот пусть и думает, что мы сборные конструкции для строек союзникам по НАТО планируем впаривать. Меньше знаешь – крепче спишь...

Что ж, машина у него есть, денег в достатке, цели и задачи доброе командование определять и ставить не зевает. Свалява так Свалява, надо там быть – стало быть, в означенный срок и будем. Время не ждёт, седлайте коней, сеньоры! Толедо всё ещё в руках мавров...

* * *

Одиссей вышел из подъезда, когда кругом ещё царил предрассветный сумрак (он обычно предпочитал отправляться в путь ещё до рассвета, чтобы по максимуму использовать для езды куцый, в данном случае, декабрьский световой день), поморщился от мгновенно до костей пробравшей стылой сырости, подошёл к своей «школе» (светло-фиолетовая «фелиция» на днепропетровских номерах, с генеральной доверенностью – капитан Кулешов три дня назад расстарался), не торопясь, загрузил в багажник не шибко тяжелую

сумку – и, перекрестившись на виднеющуюся в предрассветном мраке полосу посветлевшего неба на востоке, там, где лежала Россия – сел в машину. Дай Боже, как говорится, в час добрый!

Сначала у него был соблазн ломануться в Закарпатье через Румынию, через так называемые Фокшанские ворота, холмистую равнину, ограниченную с востока Прутом, а с запада – горными отрогами Трансильванских Альп. Дорога эта была ему известна, шла от Джурджу, через Бухарест и Плоешти, на Бузэу, Фокшаны, Бакэу, ровненько до погранперехода Вадул-Сирет в румынской Буковине, от которого можно было рвануть прямо на Черновцы, на Буковину украинскую; но, при зрелом размышлении, решил он этим путем не идти. Всё ж придется часов двадцать (считая очередь на таможне) пробыть в стране Влада Цепеша и Николае Чаушеску, к тому же по пути проехать через дикое сердце цыганской Румынии, где мало ли чего может случиться – а вернее всего, случится обязательно.... А ежели те парни, что с той стороны глобуса, ищут его всерьез – то очень может быть, что, задержав его по какому-нибудь пустяковому поводу (а повод может найтись любой, Румыния в плане коррупции даже любезному Отечеству сто очков форы даст), вдумчивый румынский полицейский суб-локотенент⁶ не отыщет в какой-нибудь отдельно лежащей папке «разыскиваемые за очень большие деньги» и его молодецкую харю. Понятно,

⁶ Младший лейтенант (рум.)

что со времен мадьярского пленения он изрядно прибавил в весе и опытная рука пластического хирурга малость подретушировала его внешность – но береженого, как известно, Бог бережет, а небереженого знамо кто.... А, поелику встреча с каноническим конвоем в планы Одиссея никак не входила, то, проехав за два часа путь от Варны до Русе и за следующие полчаса едва протащившись через забитый фурами мост через Дунай – решил он двинуться на Брэилу – Галац, с тем, чтобы за пару часиков оказаться в пределах молдаванского государства и дальнейший путь проделать по территории этой дружественной республики.

Ага, вот и румынская граница. Одиссей удивлённо осмотрел какую-то странную автомойку, которая, при вдумчивом исследовании, оказалась конструкцией для дезинфекции. Стоявший возле неё румын в некоем подобии формы, увидев его украинские номера, тут же начал гостеприимно руками, головой, глазами и прочими частями тела зазывать его под это сооружение. Одиссей попытался проигнорировать это приглашение, направившись прямо к будке пограничного контроля – но тщетно. Личность при дезинфекции что-то заорала, на крик появился уже настоящий, в форме, пограничник, с тавром *Politia Frontiera*⁷ на хилой груди, и на неплохом русском языке предложил – либо наглый украинец приобщается к благам цивилизации, платит за дезинфекцию и истребление разной заразы, которую он, вне всяких сомнений,

⁷ Пограничная полиция (рум.)

притащил с собой с жутких и опасных Балкан – либо возвращается обратно в Болгарию и продолжает вольно и невозбранно ездить по тамошним дорогам так, как есть, то бишь – немытым и заразным. Одиссей вздохнул и подчинился. Вся музыка обошлась в десять долларов, которые усердный дезинфектор ловко выхватил из рук Одиссея, взамен не выдав ничего, напоминающего чек. Одиссей улыбнулся – нравы и обычаи здесь несколько не изменились с ноября девяносто второго, когда он впервые пересек Румынию с севера на юг!

Маленькую «шкоду» с ног до головы обрызгали прозрачной вонючей жидкостью, которая, наверное, хорошо отмывает насекомых – увы, зимой проверить это предположение было решительно невозможно. Затем, в очереди на пограничный контроль, Одиссей заметил забавную особенность – за дезинфекцию все въезжающие в Румынию машины исправно платили, но обрызгивались единицы. Хорошо хоть, была плюсовая температура, и ядовитая жидкость не замерзала на кузове – но, очевидно, в морозы этот спектакль румынские труженики фронта сворачивают за ненадобностью.

Перед Брэилой Одиссей увидел временный желтый знак, обозначающий поворот на Галац, так как основная объездная была, как гласило здоровенное объявление сразу вслед за знаком, закрыта на ремонт. Одиссей свернул – и проклял румынских дорожников трижды! Этот временный объезд оказался худшей дорогой за все время его сидения за рулем, да-

же галицийские просёлки были куда ухоженней! Огромные колдобины, множество фур, тянущихся к молдавской границе, которым тоже, между прочим, надо объезжать колдобины, и поэтому обогнать их практически невозможно; и даже на более-менее приличных участках дороги приходилось тащиться со скоростью тридцать километров в час. Выехав через сорок минут на шоссе, он облегченно вздохнул – теперь до Молдавии плохих дорог быть не должно. Каковое его предположение рухнуло буквально через час...

Галац он обнаружил километров за двадцать – по желто-коричневому облаку выбросов металлургического комбината. Одиссей про себя изумился непрофессионализму румынских градостроителей – ибо при подъезде к городу было отлично видно, что дующий ветер направляет весь смрад akurat на жилые районы. Сильны румыны, холера им в бок!

Да, вот и пахнуло Родиной.... В городе, выйдя из машины у небольшого продовольственного магазина, чтобы прикупить чего-нибудь на зуб, Одиссей всей грудью вдохнул характерный запах диоксида серы, в изобилии присутствующий в здешнем воздухе. Как в Кривом Роге, где он был в девяносто пятом.... Пропахший большой металлургией Галац мгновенно побудил у него ностальгические воспоминания о Криворожье.... Да-а-а, весело они тогда провели ту неделю! Как звали тех сестричек-близняшек? Галя и Оксана. Одиссей аж улыбнулся от нахлынувших воспоминаний. Да, были времена.... Впрочем, даже чисто внешне Галац был похож

на Кривой Рог. Это уже не Европа! Троллейбусы, советской школы архитектура, не шибко вежливые продавщицы в магазинчике – стало быть, мы уже на пороге любезного Отечества. И не важно, что теперь этот порог украшает шильда «Республика Молдова» – ещё добрых лет тридцать это по-прежнему будет Советский Союз. А может быть, ... хотя чего там гадать. Что будет – то будет!

Не без труда (и, главным образом, с помощью водителей местных маршруток, через пень-колоду, но всё же понимающих по-русски), Одиссею удалось, после трех неудачных попыток, все же выскочить на мост, ведущий к границе. Оппа! Оказалось, что дорога до границы в данный момент не то строится, не то ремонтируется, и в результате полтора километра Одиссею пришлось сорок минут тащиться по песчаной грунтовке. Когда впереди замаячил румынский флаг, обозначающий пограничный переход, у него уже не было сил радоваться – так вымотали его последние пяди румынской земли.

На границе перед ним в небольшую очередь выстроилось семь молдавских машин. Что удивило Одиссея – процесс шел крайне неторопливо, но зато румыны на выезде из своего Отечества ничего, кроме паспорта, страховки и свидетельства о регистрации (с генеральной доверенностью) не спросили. Никаких тебе оплат за дороги, за экологию, и никаких фокусов с дезинфекцией. Но зато молдавская таможня сполна исправила это серьезное упущение своих единокровных

коллег – Одиссею пришлось оплачивать молдавскую дезинфекцию (памятуя опыт Джурджу, он за эту процедуру заплатил, но под душ благоразумно не стал – чёрт знает этих молдаван, чем они хотят полить его новенькую «шкоду»), экологию, какой-то SMART, плюс еще какой-то местный сбор. И за смешную сумму в семь с половиной долларов он опять переступил рубежи бывшего Советского Союза...

* * *

Дальнейший путь до Кишинева через Каушаны и Новые Анены запомнился ему полным отсутствием разметки и холмистым рельефом. Объехав Кишинёв стороной, он выехал на трассу на Оргеев. Поскольку время подходило к двум часам, имело смысл где-нибудь пообедать – и Одиссей начал старательно выискивать знаки с перекрещенными вилкой и ложкой. Удача! Справа мелькнула вывеска (почему-то на русском языке?) – «До ресторана «Сафари» 400 метров». Ну что ж, «Сафари» так «Сафари», хотя, при зрелом размышлении, корчме в самой глубине молдавских кодр стоило бы, по мнению Одиссея, носить более аутентичное наименование. «Стругураш», например, или какой-нибудь «Стрэлу-четор»; на худой конец, «Штефан чел Маре»...

А вот и съезд к ресторанчику! Одиссей повернул «шкоду», подъехал к площадке перед заведением общепита, развернувшись, приткнулся задними колёсами к бордюру, за-

глушил двигатель, и, поставив рычаг переключения передач на нейтралку, собрался выйти из машины. Но тут поведение доселе тихой и спокойной машины стало вдруг каким-то странно необъяснимым. Что за чёрт!? Мятеж безмозглого железа? Или происки сверхъестественных сил? Одиссей не верил своим глазам – стоящая капотом в горку «шкода» начала потихоньку, едва заметно, ехать ВВЕРХ! Он изумился, но «школе» решил не мешать. Чудо продолжалось! Угол подъема начал потихоньку увеличиваться – а машина, тем не менее, продолжала разгоняться... Охренеть! Одно из двух – или это хитрый оптический эффект, или на территории Молдавии перестали действовать законы физики, а легковые автомобили обрели разум...

Нет, пожалуй, пусть это будет оптический эффект. Чудес ему и в обычной жизни – сполна и с довеском; норму по чудесам он, наверное, перебрал ещё года два назад, так что, подумавши, мы такое поведение «фелиции» решительно отнесем к физическим феноменам местности и о чудесах думать пока забудем. Нам они понадобятся (и наверняка понадобятся!) чуть позже, когда мы встанем под каноничное чёрное знамя с черепом и костями и надписью «контрабанда» по всему полотнищу...

Поставив машину на заднюю передачу, Одиссей покинул водительское кресло и двинулся в ресторан, по пути всё же настороженно оглядываясь на своенравную «шкоду». Нет, похоже, чешка более самостоятельно лезть в гору не хоте-

ла... Ну и слава Богу! Мало нам проблем, так ещё и у машины появились бы вдруг собственные желания относительно способа передвижения... Это, пожалуй, был бы перебор.

Плотно и с удовольствием пообедав в ресторане (в котором, вопреки названию, не было никаких блюд, связанных с охотой, зато наличествовала отменнейшая чорба с фасолью, острые мититеи и отличная свежая брынза), Одиссей рассчитался, вышел на крыльцо, подозрительно оглядел чуть было не впавшую в мятеж «шкоду» – и, убедившись в том, что машина на прежнем месте, не торопясь, занял водительское место.

Ехать предстояло ещё довольно долго – через Бельцы и Единцы до Бричан, где его нога ступит на ридну неньку Украину (ибо паспорт у него был нынче жовто-блакитны, на фамилию Тищенко, уроженца славного города Днепропетровска, в девичестве – Екатеринослава), а потом, у легендарного Хотина (с его изумительной цитаделью, «главной героиней» множества фильмов о средневековье), он вместе со своей «фелицией» переправится через Днестр на «украинскую» сторону и заночует в Каменце-Подольском, городе нестареющей беляевской «Старой крепости»... Что ж, надо поторопиться, чтобы до десяти вечера оказаться в гостеприимном отеле «Бастион» – где его уже ждёт заказанный из Варны номер, ужин в средневековом антураже и недолгий, но крепкий сон. И едва за окном забрезжит рассвет – он опять отправится в путь. Потому что завтра к вечеру ему надле-

жит быть в Сваляве – городке, где начнётся первый акт операции «Полонез»...

* * *

– Оксана, не спеши, подумай...

– А шо мне думать? Шо? Ты хочешь моего человека, самое малое, под пожизненный срок закатать, а я буду смотреть на это со стороны? Так, что ли? Не, Серёга... или как там тебя по-настоящему – ты Туфана моего на это не соблазняй, даже не думай за это! Мне лучше сдохнуть прямо сейчас, тут, на месте – чем своими руками его на смерть посылать! Вы мне его замените, случись что? Чёрта лысого я от вас получу! Денег стопочку подвинете, посочувствуете – и фьюить! домой, в Москву, к женам и детям. А я здесь одна останусь, как тростинка в поле.... Мне не деньги ваши нужны, мне муж нужен! Живой и желательно здоровый... а не сумма в ведомости!

Гончаров терпеливо ждал, пока иссякнет фонтан красноречия высокой чернобровой красавицы – а затем, не дождавшись, вздохнул и, по возможности вежливо, перебил её монолог:

– Оксана, риск в этом деле есть, но риск минимальный. В конце концов, та работа, которой он занимается, тоже рискованная, тем не менее – каждое утро ты его на пороге за рукав пиджака не хватаешь, чтобы дома удержать...

– Его попробуй, удержи... – Оксана тяжело вздохнула. – Я каждое утро, когда он по своим делам бандитским уходит, чтоб ты знал, с ним мысленно прощаюсь навеки; и каждый вечер встречаю, как воскресшего! У меня тут год за три идёт, как на войне...

Гончаров кивнул.

– Ладно, ты пока остынь, подумай. Не торопись! В конце концов, то, что я предлагаю, ничем от его здешних дел не отличается.... Ты что-то насчет обеда говорила?

Хозяйка кивнула.

– Да, сейчас принесу. Посиди пока, телевизор вон посмотри. У нас тут и русские каналы есть! – И с этими словами чернобровая черниговка упорхнула из номера.

Да-а-а, дела.... Ладно, будем надеяться, что разговор с самим Туфаном пройдет чуток полегче, чем с его любящей женой, холера ей в бок, как в таких случаях говорит генерал...

* * *

Долетел он из Москвы в Стамбул безболезненно, из аэропорта в азиатской части города поехал прямо в офис фирмы «Карагёл индастриз», (который расположился в одном из новых офисных зданий в деловом квартале Левент). С этой компанией «Спецметаллснабэкспорту» надо было заключить договор на поставку специальных сталей для возводимого в пригороде Стамбула, Боюк-Чекмедже (в самом

Стамбуле стоимость земли, как понял подполковник, делала это строительство поистине золотым), многоэтажного офисного здания – что было легальной частью его поездки. Турки встретили его дружелюбно (впрочем, как обычно), в течение двух часов, под бесчисленные стаканчики чаю (называемые по-турецки «бардак», чему подполковник про себя улыбнулся), он обговорил с ними условия поставки и марки сталей, оставил подписанный с русской стороны вариант договора и спецификации к нему – и направился в туристический центр Стамбула, в район Бейоглу, бывший Пера, где находилась гостиница «Галата Хаус», бывшая, собственно, истинной целью этой его поездки.

Разговорчивый таксист (знавший едва ли сотню русских слов, но зато мастерски ими оперировавший) на новеньком «рено» довез его до площади Таксим, кишашей в это время огромными толпами народа – и, подхваченный общим людским потоком, подполковник Гончаров двинулся по Истикляль, стараясь не пропустить пятую улицу справа от начала здешнего Бродвея – хотя он знал, что называется она Сакызагаджи, но, поскольку весьма сомневался в своих филологических способностях (турецкий язык, переведенный на латинскую графику Мустафой Кемалем, немало удивлял его спецификой звучания написанных слов), то решил просто отсчитать нужное количество улиц.

Истикляль его всегда поражала – узкая, извилистая, как истинная восточная улочка, вымощенная брусчаткой, но,

вместе с тем, полная европейского лоска. По обеим её сторонам сверкали витрины шикарных магазинов, кафе, баров, в старых, девятнадцатого века, домах располагались торговые центры, а сама она круглосуточно была заполнена толпами праздных туристов; посреди же этого пешеходного рая лежали... рельсы, по которым продолжал ездить единственный в своем роде, «доисторический» трамвай! Европейцам Истикляль представлялась типичной восточной улицей, для турок же она, скорее всего, представлялась частью западного мира (церквей на Истикляль было больше, чем мечетей!) – почему и манила всякого гостя, посетившего Стамбул, пройти все свои два километра неторопливым шагом...

Не без труда обнаружив искомую цель и свернув на почти незаметную среди великолепия зданий на Истикляль улочку Саказыгаджи, подполковник Гончаров на всякий случай (чисто рефлекторно, без всяких подозрений) проверился относительно хвоста – и походкой пресыщенного туриста пошёл по этой улочке, лениво разглядывая выставленные в витринах товары, отмахиваясь от назойливых продавцов всевозможных лавочек и незаметно выискивая глазом дом номер девятнадцать, в котором размещался отель «Галата Хаус» и одноименный ресторанчик, принадлежащий курдско-украинской семье Сарыгюлей, в которой норовистая жена, как пить дать, подстать своему бандитствующему муженьку.... Именно этот отель и эта семья и были главной целью подполковника в Стамбуле, о чём не догадывались уш-

лые турецкие коммерсанты из фирмы «Карагёль индастриз»

...

* * *

Ага, вот и любезная хозяйюшка. Быстро она обернулась! Гончаров удивился количеству тарелок, тарелочек, горшочков и соусников, уместившихся на подносе, который жизне-радостная украинка умудрилась доставить на второй этаж, ничего не разлив и не расколотив по дороге.

Хозяйка, поставив поднос на табуреточку у входа, отдышалась и произнесла, широко и дружелюбно улыбнувшись:

– Ось, Серёга, попробуй настоящей турецкой кухни! Специально Ахмеда в ресторан «Хаджи Абдуллах» посылала по соседству, бо у нас повара второй день нема.... А Ахметка только кофе и может делать, гультай.... Поймёшь, что значит в Стамбуле хорошо поесть! – И Оксана обмахнула рукой свой импровизированный дастархан. – Шоб ты знал, для того, шоб в этом ресторане покушать, люди специально из Германии приезжают! – И с этими словами хлебосольная хозяйка споро расставила по столу тарелки, горшочки и соусники, полюбовалась на творение своих рук, после чего, ещё раз улыбнувшись Гончарову, пригласила его к столу: – Кушай, тут всё свежее, экмек⁸ минут двадцать, как из печи, каль-

⁸ Пшеничный хлеб

мары и барабульку на моих глазах испекли, да и остальные мёзе⁹ только что приготовлены. У них сегодня зейтиньялы¹⁰ дуже удалась, так я взяла для тебя горшочек.... Тебе кебаб соусом приправить? Чи ты вже сам?

– Спасибо, Оксана, сам. А почему у вас повара нет? Гостиница без ресторана – это ж ежедневные убытки? Поваров же тут, как я понимаю, совсем не дефицит?

Украинка раздраженно махнула рукой.

– А, да шо ему говорить! Хиба он меня спрашивает? Он же главный, ему советы жены – как горох о стенку.... Предлагала я взять повара из местных, из турков – так он ни в какую. У них же, у курдов здешних, тут же ж землячество, як у жидов, берут на работу только своих, курдов, и обязательно со своего села.... Прежний повар уехал в Германию, на заработки, а молодой, з села, який должен был за плиту ещё три дня назад стать – заболел воспалением легких, зараз в больнице лежит.... Туфан все кинул и за новым поехал, в неближний свет, аж под Диарбакыр, так шо приедет с поваром только завтра. А мне мучаться...

Затем хозяйка дома, присев на краешек мягкого кресла, наклонилась к подполковнику и вполголоса спросила:

– Сергей Владимирович, так шо надо сделать? Може, я б и сама справилась? Шоб моего благоверного не подставлять лишний раз?

⁹ Закуски

¹⁰ Зеленая стручковая фасоль, тушенная с помидорами, луком и специями

Гончаров отрицательно помахал головой.

– Здесь, в Стамбуле, ты, может быть, и справилась бы, но надо, чтобы наш груз через всю Турцию проехал – а в турецкой глубинке с тобой, хоть ты трижды нобелевский лауреат, никто из мужчин всерьез разговаривать не станет, потому как – женщина... Нужен мужчина. Поэтому мне и позарез треба твой Туфан. Тем более – он, как ты говорила, отлично говорит по-русски.

Оксана посмотрела на него укоризненно.

– За то, шо он по-русски балакает, як мы с тобой, я не отказываюсь – когда в Чернигове жил, он не то, шо остальные турки, по бабам да по терьяку – а язык учил, почитай, каждый вечер. Так наловчился, шо только по акценту его и распознаешь! Пока остальные его сельчане девок наших лапали да гашиш свой курили – Туфан всё с книжками возился. С моей, правда, помощью... Вы ж знаете, фирма «Энка», когда наши войска с Германии выводили, курдов целыми сёлами нанимала, шоб военные городки в России для этих бегунцов строить – тогда и мой Туфан завербовался... Ладно, ещё раз, подробнее, расскажите, что надо сделать – а я подумаю.

Гончаров кивнул.

– Хорошо. Значит, так. Объясняю ещё раз, подробно и вдумчиво. Нам, то есть болгарской фирме «Олена Трейд», с ним, как с директором фирмы «Битлис иншаат», надо подписать контракт на поставку оборудования для очистки во-

ды. Ты говоришь, с таможенной он вопрос может решить без проблем?

Оксана кивнула.

– Тут все проблемы – в толщине пачки. Чем толще – тем проблем меньше. Это ж Турция...

– Хорошо. Груз ему доставят болгары, ему надо этот груз принять, таможенные пошлины и всё, что полагается – заплатить... – Видя, что Оксана пытается его перебить, Гончаров махнул рукой и продолжил: – Все расходы мы дополнительно компенсируем. Затем ему надо это оборудование для очистки воды в своем отеле установить. За работу по установке мы тоже ему заплатим дополнительно – но в пределах разумного, понятно. Смету он мне предоставит лично. Но, Оксана, большую часть этого оборудования **ВЫ УСТАНАВЛИВАТЬ НЕ БУДЕТЕ**. – Последние слова подполковник сказал с нажимом, подчеркивая их важность.

Госпожа Сарыгюль удивленно подняла брови.

– То есть, как – не будем устанавливать?

Гончаров вздохнул.

– А вот так. Большую часть оборудования, которые вы получите, Туфану надлежит отправить в городок Салопи, где его у него заберут наши люди. Под прикрытием какого-нибудь товара и по подложным документам.

Оксана спросила осторожно:

– А шо то за оборудование? И зачем оно кому-то у Курдистане?

Подполковник укоризненно покачал головой.

– Немезида, вы меня удивляете! Шесть лет работаете на нашу фирму, а задаете детские вопросы!

Хозяйка напряженно и с каким-то вызовом посмотрела в глаза Гончарову.

– А что ж ты хотел Серёга? Я ж должна знать, хоть приблизительно, что будет моему мужу, если его с этим вашим железом заловят. Ты мне не говори, что там будет в твоих ящиках – ты мне скажи, что с ним здешняя полиция сделает, если эти ящики вскрыет.

Гончаров вздохнул, помолчал несколько минут – а затем, глянув прямо в глаза своей собеседнице, произнес твердо:

– Высшая мера.

В гостиной повисла звенящая напряженная тишина. Вдруг стало слышно, как по Истикляль едет трамвай, как стучат каблучки женских туфель по мостовой, как на площади Таксим шумит и гомонит многотысячная толпа – всё вдруг стало слышно в этой, на несколько секунд замершей от страшных слов, гостиной. Наконец, Оксана кивнула и через силу произнесла:

– Я так и думала. Никакое это не оборудование...

Гончаров развел руками.

– А я и не говорил, что это новогодние игрушки. Но мы выдадим твоему бандиту двадцать тысяч долларов на взятки – и, я думаю, эта сумма решит все его проблемы с транспортировкой груза до означенного города. В конце концов,

насколько я понимаю, подобная угроза для него не первая и не последняя в его жизни. Так?

Оксана молча кивнула, и, тяжело вздохнув, налила Гончарову чаю.

– Я понимаю тебя, Ксюша. Но и ты пойми меня – не поговорив с ним, я не хочу искать какие-то другие варианты, потому что вариант твоего мужа – с нашей точки зрения, самый лучший. Представь меня ему, а я с ним уж поговорю вдумчиво.

Госпожа Сарыгюль отрицательно покачала головой.

– Вот этого я и боюсь. Он же у меня отчаянный, если поймет, что дело мужское, рискованное, да ещё пойдёт на пользу его Курдистану – обязательно ввяжется. И не за деньги, я его знаю. За идею с тобой на смерть пойдёт. А я... А мне что прикажешь делать, Серега? – Оксана подняла на Гончарова свои глаза – и в них подполковник увидел целые озёра готовых низвергнуться двумя водопадами слёз.

– Всё будет хорошо. Вот увидишь!

Оксана махнула рукой.

– Это ведь не твоего мужа будут под вышаком неделю держать... Ты можешь себе позволить быть оптимистом!

Гончаров развёл руками.

– Если тебе будет легче – я вместе с ним до места планирую в грузовике ехать. И если что – буду отвечать вместе с ним.

Хозяйка гостиницы только вздохнула.

– Ладно, что ж сейчас о чём-то говорить. Вот приедет завтра Туфан, поговоришь с ним. Пусть он решает... Хотя, что вы там решаете – я наперед знаю. – И, безнадежно махнув рукой, Оксана замолчала.

Гончаров допил чай, доел пирожное (действительно, восточные сладости – это нечто!), а затем преувеличенно бодрым тоном (и, стараясь не замечать отчаянья в глазах госпожи Сарыгюль) произнёс:

– Что ж, подожду твоего благоверного. Пусть твой Ахмед мои вещи занесет в какой-нибудь свободный номер, до приезда Туфана я у вас поживу, потом перееду – или в «Пера-Палас», или в «Диван», посмотрю, куда будет удобнее.

Оксана кивнула.

– Хорошо, я сейчас всё сделаю. Подожди минут десять. – И с этими словами она вышла из комнаты.

Гончаров остался один. Мд-а-а-а, дела-делишки... Что скажет на его предложение курдский бандит, по совместительству – муж Оксаны Осадчей и владелец гостиницы и ресторана «Галата Хаус» Туфан Сарыгюль? Возьмет ли он на себя доставку груза через всю Турцию, груза, который, в случае его обнаружения, грозит этому Туфану виселицей? И не придется ли ему, подполковнику Гончарову, искать другие возможности по доставке этого груза, не связанные с господином Сарыгюлем? Вопрос, однако...

– Доехали?

– Так точно. Я на всякий случай капитану Федорову дал телефончик заместителя начальника украинской таможни ... того, что засветился у нас во время операции «Дареный конь»¹¹ ... так, для страховки – но он не понадобился. Груз уже в Сваляве! Мы его оформили как оборудование для водозаборных скважин, всего сто мест.... За первым этапом операции будет следить подполковник Загородний, Одиссей у него на связи.

Генерал удовлетворенно кивнул.

– Гут, первый шаг мы сделали. Одиссей когда будет на месте?

– Выехал он двадцать пятого, сегодня к вечеру должен быть. – Тут Левченко замолчал, смущённо прокашлялся и продолжил уже другим тоном: – Максим Владимирович, надо что-то с Гердой решать. И чем быстрее – тем лучше. Что-то уж больно рьяно взялись те, что играют за чёрных, её искать...

Калюжный вздохнул.

– Да-а-а, дела.... Ты Федорова проинструктировал?

– Так точно, подробнейшим образом. Не проболтается.

¹¹ Об операции «Дарённый конь» – в романе «Книги лжепророков»

– Что не проболтается – это хорошо. Но ты, как я понимаю, хочешь услышать от меня ответ на вопрос – что мы будем делать? У тебя есть какие-нибудь предложения?

Левченко пожал плечами.

– Да чёрт его знает! Те, с той стороны глобуса, видимо, что-то пронюхали – иначе не стали бы они к её поиску немецкое посольство подключать и официальные органы бундесреспублики задействовать... Против такого напора наши хлипкие хитрости вряд ли удержатся, и, рано или поздно, а могут они госпожу Бондаренко найти. Более того, уверен, что найдут! Теперь у них в руках неубиваемый козырь – Сашка-то родился в Германии, и посольство имеет полное право интересоваться его судьбой, хоть его мамаша трижды гражданство поменяй! Про официальные наши органы я не говорю, эти торопиться особо не станут, у них и так работы выше крыши – но ведь и без них охотничков до серо-зеленых бумажек найдется до хрена и больше! Ведь те, что играют за чёрных, они ведь совершенно легально, используя посольство бундесреспублики, как крышу, могут нанять для поиска Герды хоть десяток сыскных агентств – и всё будет законно. А уж про похищения людей не мне вам рассказывать, каждый год в нашей стране тридцать тыщ народу бесследно исчезает; организовать на этом фоне похищение, да так, что милиция не шибко рьяно будет пропавшую мать семейства искать – пара пустяков. Любая бандитская группировка за малую толику провернет это дело запросто! А,

взяв в оборот Герду, те, что играют за чёрных, и на следы Одиссея выйдут, и о нашей конторе много ненужного для нас узнают...

Генерал кивнул.

– Это ясно; поэтому они, видно, и взялись с таким рвением за поиски нашей немецкой подружки, что на наш след в её судьбе напали, и теперь для них никакие траты сил и ресурсов не имеют значения. А уж официальные органы Дойчланда к этим поискам привлечь – сам Бог велел, раз Герда немецкой гражданкой была и немецкого сына родила, да ещё в известной нам с тобой фирме работала! Теперь тот факт, что Герда Францевна Бондаренко и Герда Кригер, в первом замужестве Шуман, одно и то же лицо – нашим закадычным врагам будет известно в ближайшие три-четыре недели. И найти её – они найдут после этого в два-три дня, благо, агентуры у них тут понатыкано – мама не горюй! И не то скверно, что они её найдут, как то, что надлежащую охрану мы ей обеспечить никак не сможем при нынешнем её режиме жизни и работы, хоть из шкуры вылезем! Положим, запрем мы её на конспиративной квартире где-нибудь в Бутово, или даже в Коломне, с дитями и парочкой ражих оперативников – и долго это сиденье в осаде продлится? Ирочке сейчас сколько, четыре месяца?

Левченко молча кивнул.

– Ну вот, грудной ребенок, стало быть – нужен регулярный осмотр врачом, прогулки на свежем воздухе, прочие

действия, для нашей ситуации крайне опасные. Сашке одиннадцатый, стало быть, в пятый класс ходит – значит, и ему школу прогуливать придется.... Вариант сесть в осаду посему объявляется негодным!

Левченко почесал затылок.

– А если ей паспорт сменить, а заодно местожительство и гражданство?

Генерал достал пачку сигарет, закурил, выдохнул колечко дыма – и сказал:

– Этот вариант ближе, толковее.... Но хвосты останутся всё равно. А ежели рвения в поисках у той стороны прибавится? Сил и средств они могут бросить на это дело с избытком, ты ж знаешь...

– И бросят! Ведь у них появляется реальный шанс легально добыть языка!

Калюжный покачала головой.

– Вот-вот. Кабы у меня был бы такой шанс, взять в плен, скажем, любовницу директора БНД – или любовника? – хрен их там разберет, с их сексуальной революцией – то я бы бросил на это дело все силы! Тем более – ежели бы у меня была такая шикарная официальная крыша, как посольство!

Подполковник немного растерянно спросил:

– Тогда какие варианты, Максим Владимирович?

Калюжный вздохнул.

– А вариант тут, Дмитрий Евгеньевич, друг мой ситный, может быть только один – Герда Францевна Бондаренко

должна умереть...

Глава вторая

* * *

– Что-о-о-о?! – Левченко аж подскочил на своём стуле.

Генерал улыбнулся.

– Да ты не ори, не ори, и рожи страшные не строй.... Не в буквальном, конечно, смысле, я не о физической смерти.... Ты уж меня прямо монстром сделал, вон, глаза кровью налились.... Не бойся, я Герду не меньше твоего люблю, и Одиссея твоего вдовить в самые мои страшные планы не входило, не бойся. Я о другом.

Левченко, немного успокоившись, спросил:

– Умереть... как Лапиньш?

Генерал кивнул.

– Так точно. Но более достоверно. Намного более...

Левченко почесал затылок.

– Автокатастрофа?

Калюжный махнул рукой.

– Не важно. Техническая сторона значения не имеет. Тут вопрос в другом.... – Достав из пачки на столе сигарету, он закурил, медленно выдохнул дым – и продолжил: – Тут вопрос в правильной подаче материала. Предположим, погиба-

ет на нашей территории, где-нибудь в Волоколамске или Твери, от каких-то насильственных причин молодая женщина лет тридцати четырех.... И находят при ней документы Бондаренко Герды Францевны, урожденной Кригер.... На основании чего наши, на то уполномоченные органы, заявляют германскому посольству, что более её розыском заниматься они не намерены, ибо с оной Герды взятки гладки. Сиречь – мертва, ушла в страну Вечной Охоты, в какой ей никакого дела до наших проблем уже нету. Как ты, со своей точки зрения, на это дело посмотришь – ежели ты эту Герду Францевну рьяно разыскиваешь третий месяц, денег на это дело уже ухлопал уйму, и знаешь, что она Герда Францевна замешана в шашнях с какой-то местной мутной и донельзя подозрительной конторкой, к которой у тебя есть несколько весьма болезненных вопросов, и за которой, как ты подозреваешь, пяток-десяток твоих жмуриков уже числиться? И до какой конторы тебе добраться уже лет пять, как в одном месте ужасно свербит?

Левченко иронично улыбнулся.

– Я буду уверен, что эта контора уводит свою девушку изпод удара, подставляя мне порожняк. И продолжу её искать!

Генерал кивнул.

– Совершенно верно. С Лапиньшем этот вариант, почему сработал? Потому что искали его те, что играют за чёрных, не шибко резво, так, по обязанности, номер отбывали. Предъявили им опознанный каким-то дальним родственни-

ком, девятой водой на киселе, труп в рижском морге, но при документах – и все успокоились, дескать, усоп подозреваемый, и дело можно закрывать. А в нашем случае вариант «на, подавись!» не проходит... Бо девушку ищут не для того, чтобы узнать о самочувствии её сынишки, а для того, чтобы хорошенько выпотрошить наизнанку её саму! Раз уж Одиссея возле неё не наблюдается...

Левченко молча кивнул. Генерал продолжил:

– А теперь рассмотрим второй вариант – эта госпожа Бондаренко, она же Шуман, она же Кригер – погибает где-нибудь на нейтральной территории, например – в Польше или Чехии; и дактилоскопия, и экспертиза ДНК, проведенная соответствующими экспертами соответствующего ведомства Чехии или Речи Посполитой, подтверждает, что погибшая – та самая госпожа Шуман. На основании отпечатков пальчиков и анализа ДНК, сделанного госпоже Шуман ещё в бытность её работы в Бундеснахрихтендинст. Это будет достоверно?

Подполковник согласно кивнул головой.

– Более чем. Вопрос в том, КАК эту экспертизу провести...

– Логично. Эксперты в этом деле становятся ключевыми фигурами – если нам не удастся найти взаимопонимание у полиции, чтобы, значит, из неопознанного трупа сделать госпожу Кригер. Эксперты эти должны будут совершить должностное преступление – именуемое «подлог». И, ежели те,

что играют за чѐрных, вдруг заподозрят, что какой-либо из экспертов сыграл с ними злую шутку – сам понимаешь, что они с ним сделают. И ладно бы они просто устроили ему отравление угарным газом – они ведь опять Герду начнут искать! Значит?

– Значит, эксперт – и по дактилоскопии, и по ДНК – должен быть безукоризненно честен и с безупречной репутацией. Чтобы ни у кого не закралась мысль о том, что коварные большевики из-за Буга его подкупили...

– Так точно. Стало быть, действовать эти эксперты должны будут в наших интересах не за сумму прописью, а за убеждения. Эксперты – или полицейские, это в том случае, если твои поляки сработают сверхоперативно, и мы сможем подсунуть нужные вещдоки ещё на этапе полицейского расследования. Найдет твой Чеслав таких у себя во Вроцлаве? Или Анджей в Варшаве? Справятся твои бойцы с такой задачей? Левченко развёл руками.

– Ну, откуда ж мне знать заранее? Я думаю, они сделают всё, что возможно...

Генерал иронично посмотрел на своего заместителя.

– И ты, и я – знаем цену этой фразе. Она меня не устраивает. Она означает, что ты в способностях своих людей не уверен, а также то, что ты заранее внутренне согласен с провалом порученного дела. Пушай такими фразами министры президента успокаивают – в нашем деле никаких «сделаем всё, что можно» – не должно быть! Или – «мои люди сде-

лают», или... Раз ты в способностях своей агентуры не уверен – значит, что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.